

ОСЕННИЕ ПИСЬМА

1.

Когда к бумаге время подойдёт,
пускай летит в железный синий ящик
с почтмейстерским гербом своим. Так вот,
тебе — пишу о нашем настоящем:
о том, что время вырвалось из пут
и мчится прочь — до красного смещенья,
и если наши дни ещё идут,
то по причине полного смущенья
от неосуществимости любви.
И все слова мешаются в загоне,
лавируют, как люди на перроне,
и не даются, как их не лови.

2.

Величина, похожая на дом,
темна и ждёт разбухшего рассвета.
Окно почти что сдавлено вьюном
и диким виноградом. От сюжета
любовного осталась лишь постель,
фотоальбомов выжатых обложки.
Наверно, есть на свете Коктебель,
есть остров Крым, но нет туда дорожки.
Прожилками застыли облака,
похожие на мраморное мясо.

Сереет ночь, и влажная терраса
для одного — безмерно велика.

3.

Иглою пера бумагу исколов,
нащупываю: где ты, *vita nova*?
И не хватает воздуха и слов.
Когда же сны приходят, то мне снова
всё мнишься ты и осторожный лес,
рассыпанный на жёлтые осколки,
но я во сне не узнаю тех мест,
где живы мы. На прикроватной полке
дремотствуют седые словари,
болванчик так же, головой качая,
ждёт то ли сигарету, то ли чая,
но некому промолвить «завари»...

4.

Холодный день, горячая мигрень.
Забьюсь под плед, под замершие тени.
Не будет полдня. Время, как шагренёв,
скукожилось, и нет ему замены.
Рассыпан мир, и некому связать
в единое запутанные нити.
Осталось только строки выдыхать
письма, как в утешительной молитве.
Пишу неутолённые слова,
а жизнь идет, проста и одинока,
тоска черна, и острая осока
осенних писем теплится едва.

«Вечер и тени сбиваются кучно.
Скучно раздельно им. Лето в разгаре.
Лес примеряет закат, и сургучно
в землю впечатаны сосны. На шаре
дольнем полковников нынче в избытке,
а почтальонов нехватка: до дрожи
ждёшь не письма, так хотя бы открытки —
нет ни того, ни другого. Встревожен
долгим молчанием. Точка. И дата.
Сколько же лет мы не виделись, кстати?»

«Пообещай, что приедешь наведни.
Только не медли. Здесь речка, и в заводь
смотрит валун, отливающий медью,
и полагает, что может в ней плавать.
Небо в меня смотрит пристально. Ныне
поздняя Троица, день духовитый.
Лето идёт к своей горней вершине.
Щавель на грядке краснеет завитый,
зреют клубника, смородина, свёкла.
Красное солнце глядит в мои окна».

«Странно, что жизнь началась не сегодня —
так совершенен мой день на закате.
Вот уж, действительно, лето Господне:
речка рябит, как измятая скатерть,
мягко комар тишину полирует,
пахнет смолою, и мята томится...
Думаешь: «Смерть никого не минует,
только со мною её не случится...»
Ветер кивает верхушками сосен:

«Нет, никого...» И взбирается осень
тёмной водою на берег, качая
чаек над соснами, прячется в складки
неба и мнёт лепестки иван-чая,
полнит собою набухшие грядки...
Всё ли в порядке в твоём королевстве?
Вести сюда не доходят. Не вместе
прожили жизнь, а она не воскреснет.
Жаль. Ты пиши мне. А знаешь, на месте
нашем, где мы любовались закатом,
выстроен дом с красной крышей покатою...»

«Шествует вечер в кирпичной рубаше.
Словно на плахе стою на крыльчке.
Вот и устали упорные пряжи:
руки и пряжу полощут на речке —
мягко шерстинки плывут по теченью.
Тенью проходит в мой дом воскресенье.
И приближается к летосчисленью
жизнь, что прошла, как гроза в отдаленье:
гром вроде есть, только ливень далече.
Жаль, что ни письма, ни время не лечат».

«Жизнь паутинкой натянута остро.
Просто порвать и пораниться просто.
Каждый из нас — это всё-таки остров.
Кто-то поболее, кто-то полоска
рыжих песчинок на отмели топкой.
Все истончимся со временем славным.
Жизнь уплывает разохшейся лодкой
вдаль по реке, и уставшие ставни
дом закрывает. Пиши мне на лето,
в наше поместье из старого света».

Всё думалось, что осень на дворе,
и что ещё станцует бабье лето,
но — ни письма, ни жалкого привета,
и только снег в звенящем январе.

Я не пишу тебе который год,
ты адресат, что выбыл, и, наверно,
уже на жизнь, и жить немного скверно,
когда зима застыла у ворот.

Мне не собрать слова письма вовек.
Прозрачны льдинок хрусткие осколки.
И почтальона, видно, съели волки.
Так и живу. В Макоңдо выпал снег.

Вечер. Сосны. Ржавой скобкой
прошивает белка лес.
Куст черемуховый робкой
пенной выдохнул: «Воскрес...».
Солнце тянет к горизонту
рыжий бредень по воде.
Хорошо бы жить у Понта,
только Понта нет нигде.
Есть провинция, да доля
собрать в ладонь песок,
представление и воля,
жизни тонкий волосок.

И песчинки катят дюны,
и пока всё во плоти.
Вечер. Солнечные струны.
И от смерти не уйти.

Я всматриваюсь в небо. Облака
глядят в меня всё пристальней и ближе.
Мой день осенний, как лисёнок рыжий,
ты греешься за пазухой, пока
плывёт июль и лодка мнёт тростник.
Я поднимаюсь выше по течению,
в воде прозрачной рыбы тень за тенью
скользят, передвигая материк.

Вода течёт и времени в обрез:
что не успел, того уже не сделать.
Как странно знать, что не минует зрелость
ни плод земной, ни душу и бог весть
что ждёт меня за ломким тростником.
Вода и небо слиты воедино,
и обжигает лета середина,
и бок шершавит осень языком.

Недостижимый адресат,
из тех, кто выбыл в неизвестность,
ты жил и был, а ныне — местность,
кладбищенский, по сути, факт.
Взъерошишь память и тоску
свою познаешь в полной мере:
я тоже жил в эсесесере
по окрику и по свистку.
Я так же медленно ходил
по провисающим канатам,
пил, как и все, ругался матом,
и люто родину любил.
И век двадцатый отзверел,
страна прошла и солнце ясно,
глаза слепит короста наста,
и режет буквы хрупкий мел,
и аспидная врёт доска:
весны не будет. Честно-честно.
Есть лёд и снег. Земля и место.
Вернее, местность, и тоска.

Утро. Холодное небо. Как будто
дождь обещается. Солнце сквозь тучи
светит неправильно: блёкло и мутно.
Надо, наверно, картошку окучить...

Чай на столе остывает. На блюде
крошки печенья, сосновая шишка...
День обещается бледный и куцый,
словно скинхеда дежурная стрижка.

Дым сигареты. Тягучие кольца.
Шишка на блюде – привет Саломее.
Надо быть схожим по жизни со Штольцем,
только Обломов, пожалуй, милее.

Так... Рефлексия... Холодное утро
где-то в России. Отставлена чашка.
Солнце на соснах качается утло.
Облачно. Спички. Жестянка. Затяжка...